

Диана АКПАРСОВА

ПОСЛЕ СМЕРТИ

После смерти мы попадём под стол или в шкаф — на выбор.

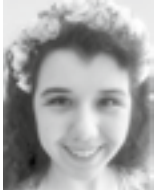
Турмалиновыми осколками переливается дорога к лимонной ложбине. Мы идём медленно, как первооткрыватели нового континента, трава склоняется под нашими ботинками, а через просветы в елях полная луна старательно тянет пожелтевшие старые руки, пытаюсь дотронуться до тебя — самой зеркальной поверхности, которую ей удавалось видеть. Ночь укрывает тёмным ситцевым покрывалом, скарабеи бесшумно катят в траве шарики, как маленькие планеты; где-то неподалёку уже слышны песня фавнов и колокольчики смеха фей, водящих хороводы. Но мы обходим их стороной.

У тебя на шее янтарный камень, береги его от липкой влаги и игольчатых взглядов. Со временем он станет оберегом не хуже, чем скорлупа яиц, из которых появляются василиски, но не лучше крапивного свитера из молчания и ракушек времён аллозавров. Будь осторожен. Перебирай в голове, как камушки, правила для выживания, упражнения для внимания и быстроту спешащего зайца. Лимонная ложбина заставит ходить годами по травяным лабиринтам того, кто хоть на секунду засомневается.

Птицы, как глянцевые, сверкают крыльями в небе, снежный гриф уже чувствует застывшую плоть за деревом, белки собираются в стаю, а сова выкручивает глаза наизнанку, чтобы увидеть берег ртутного моря, откуда выходит Зверь.

На его огромных когтях остатки вечернего зари, мобидиковская пасть создана для пожирания; нет предела его волчьему голоду, когда на город опустится тень.

Ты настолько чист, что полностью его отражаешь. Если хищник бежит от зеркала, это старый трюк, если хищник боязливый агнец, значит, и Первого Страха не было. Мы слепили его в мастерской у дедушки из подручных материалов и скрепили змеиным ядом, не замечая, как быстро он разрастается в тёмном углу. А смерть – это когда настоящим нам снится, что мы тоже заснули в эльфовом круге.

Зарина БИКМУЛЛИНА

«Б» ЗНАЧИТ БАЛЕТ

Эстетическое чувство во мне если не бессовестно храпело, то по крайней мере дремало. Но родители всё равно старательно занимались моим художественным воспитанием, будучи уверены в том, что театр приводит меня в трепет. Наивные.

Опера была ещё ничего. Во время оперы можно было петь вместе с примой, правда, недолго.

С балетом всё обстояло печальнее, поэтому оставалось только одно: есть. На спектакль приходилось брать целый мешок разнообразной снеди. Я ела не переставая, отвлекаясь лишь на то, чтобы царственным жестом отодвинуть протянутый мне сок и скомандовать: «Семечки». Далее цикл повторялся.

Как сейчас помню: была это «Спящая красавица». К этому моменту у меня как раз закончилась еда, и началось самое страшное.

Я стала думать.

Нет-нет, это не выразит масштаб трагедии. Я начала ДУМАТЬ, а как известно, если такая напасть случается с женщиной, то это-таки вселенская катастрофа.

Тем временем балет идёт, и вот – принц наклоняется к Авроре, чтобы поцеловать её. В воздухе повисает напряжённая тишина, которую не прерывает даже оркестр. На лбу дирижёра выступает пот, тишина настолько ощутима, что у неё самой словно есть звук – самой тонкой натянутой скрипичной струны.

Было бы мне лет семь, я бы затаила дыхание и с нетерпением стала ждать поцелуя. Ещё бы глаза закрыла и сама губы в трубочку вытянула.

Было бы мне двенадцать, я бы скривилась и подумала про ваниль.

Но мне было два. Не знаю, что было у меня в голове. Хотя нет, знаю: азбука, которую я уже тогда старательно изучала.

К этому моменту я уже пять минут как думала и дошла до «Б».

Образовавшуюся паузу я восприняла как сигнал к началу моего собственного бенефиса. И на весь зал выдала: «Б. Бе-ге-мот». Подчёркиваю, нараспев.

Судя по тому, что испуганная балерина начала озираться по сторонам и вскочила проворнее, чем следует, мой призыв был услышан. Судя по реакции, она – тоненькая, как тростинка – приняла эту реплику на свой счёт.

Наверное, можно было бы эффектно завершить историю тем, что я в итоге стала балериной. Что потом сама танцевала партию Авроры и... Но я же девочка честная. Балериной я не стала. Нечего было столько есть во время спектакля.

Наталья БАВИЛОВА

БЕСКОНЕЧНАЯ ИЛЛЮЗИЯ

Тёмные низкие тучи, не дающие пробиться яркому солнцу, готовому обогреть и очистить землю от обосновавшегося вконец сумрака, плыли по унылому небу, захватывая всё новые и новые территории. Старик Ветер, разозлившись на нескончаемые людской шум и суету, набирал в мощные лёгкие воздух и что есть силы выдыхал его, заставляя содрогаться от страха не только тоненькие кустики, но и многовековые деревья. Самые чуткие обитатели — неугомонные воробьи, гордые голуби и гиперактивные трясогузки — разлетелись кто куда, дабы переждать начинающийся ливень.

Небеса озарились резкой вспышкой тонкой красавицы-молнии, а за ней объявился и гром с его басистым голосом. Чуткая природа разрыдалась, поливая землю кристально чистыми слезами.

Вдалеке показался одинокий силуэт скрюченного человека. Измученный временем старик в искусно сделанной фарфоровой маске, прятавшей его эмоции, преследовал последнюю цель в жизни: вновь повстречаться с мягкими льняными глазами, вселяющими надежду.

Завыла собака, потакая новым разрядам молнии. Казалось, идущий не замечал хаоса вокруг себя. Крупные капли воды, беспрестанно падающие с небес, словно понимали его и мягко опадали на плечи, скатываясь по рваной одежде.

Мужчина остановился напротив воющего колеса обозрения и поднял голову на одну из заржавевших кабинок. Послышался лёгкий девичий смех, а затем показалась и сама обладательница пронзительных васильковых глаз. Рыдающая природа замерла...

— Бабочка... — прошептал он, упрямо глядя на неё. — А ведь ты... всего лишь иллюзия, — наконец прозрев, заключил мужчина.

Властительница всего живого, ахнув, забилась в истерике с новой силой, со всей силы ударяя по произведению искусства. Хрупкая маска, не выдержав боли Природы, разлетелась на маленькие кусочки, обнажая искалеченное лицо старика, плачущего вместе с миром.

Альбина ГАБДУЛЛИНА

БАТТЕРФЛЯЙ

*Но лишь только черёд наступает,
Обожжённые крылья влача,
Мотылёк у свечи умирает,
Чтобы вечно пылала свеча!*

Николай Заболоцкий

Туман в городе сгущался, пар смешивался с влажным воздухом и исчезал. Она бросила сигарету на мокрый асфальт, зашагала в сторону входа, зачем-то обернулась, пару секунд постояла, задумавшись, и, растянув губы в подобие улыбки, открыла запасную дверь театра.

Яркий свет прожектора, хлопок, музыка, прямая спина, самый яркий макияж, грация и тонкость, облачённые в шёлк. Её прозвали баттерфляй. Она предпочитала называть себя мотыльком, вечно бьющимся у света. Но это лишь половина всей истории. Она стремилась к свету, но никогда не могла его познать, а момент, когда она бы достигла его, стал бы последним действием в её жизни. Восхищение, аплодисменты, букеты цветов — вот она жизнь, вечная погоня за светлым.

На скамейке сидит маленькая девочка, в руках у неё лента, намотанная на палочку (сделал папа). Она кружится, рисует ею узоры, смеётся. Когда шёлковая лента обматывается вокруг палочки, путается, она бежит домой, и папа вновь всё исправляет. Так до следующего раза.

С тех пор прошло немногим более двадцати лет.

В четырнадцать она увидела её, изящную, самую прекрасную из всех девушек на сцене, балерину. Всё действие разворачивалось вокруг неё, а она не прикасалась к сцене, а летала. Летала!

Первый вывих случился неделю спустя, она рыдала на полу в комнате, била себя по бёдрам, не ела. «Слишком жирная, жирная, неуклюжая... старая?...» Не пускала никого, похудела. Спустя неделю написала в дневнике: «похудела в бровях».

Это не помешало ей, вопреки боли, танцевать. Она падала, но, стиснув зубы, повторяла плие. Крупные слёзы со звуком падали на пол и распадались на тысячи мелких капель.

Безжалостная по отношению к себе и амбициозная — такой она вышла на сцену театра. Более того, некогда неприметная героиня второго плана стала самой способной ученицей в балетной школе.

Дым следует за ней шлейфом, слишком контрастным для её утончённой красоты. Она с гордой осанкой доходит до гримёрки, закрывает дверь на ключ и заходится кашлем. Эти приступы порой длятся по нескольку минут, последний год до крови. Изо дня в день она выходит на сцену, скрывая боль, которая, подобно чёрной змее, опутала её хрупкое фарфоровое тело. Ночью она не спит, кашель нарастает в это время суток. Холодный пот выступает на коже, и тело бросает в дрожь.

Она — бабочка баттерфляй, за стеклом от всех и каждого. За ним она прячет душу. Люди довольствуются её оболочкой, точными движениями и обманчиво яркими глазами.

Всё это — лишь образ, заключённый в хрупкое тело. А истина — в моментах одиночества, в затуманенных глазах на фоне темноты, в которые просачивается мрак, в застилающей их пелене печали или высшего блаженства... Её зовут бабочкой, и она бьётся у лампы.

О кровоточащих и до уродства стёртых пальцах ног здесь принято молчать, это привычно для тех, кто посвятил себя искусству. Её именуют бабочкой...

Если бабочку подержать в руках, неизвестно, сможет ли она потом взлететь и вообще выжить после всех манипуляций с крыльями. У неё уже стёрли все яркие цвета, оставив лишь полупрозрачное тело и вечное обязательство. Бабочка.

— Я хочу детей, понимаешь?

— Но я не могу, у меня контракт!

— Тебе тридцать, когда ты собираешься родить? В сорок? Когда карьеру завершишь?

— Послушай, тебе важно лишь это?

— А тебе? Только твоё дело? Танцы перед толпой?

— Замолчи.

Утро начиналось с бокала крепкого напитка на голодный желудок и бутерброда. Этот перекус был вредным и даже запрещался, но обеспечивал ей шестичасовые тренировки. Корсет сжимал её ребра, благодаря его поддержке она не падала, ощущала опору. В последние месяцы её обнимали лишь прутья корсета. Она всё чаще задумывалась о семье. О любимом человеке и детях.

Ей — тридцать два. Лицо в зеркале становится всё старше, появляются первые намёки на морщины. Грим съедает кожу, она с ненавистью смывает его вместе с макияжем. Если сейчас возраст не заметен со сцены даже в первых рядах, то, когда подводит тело, видят все.

Актёры никогда не теряют профессию, они могут играть всю жизнь. У балерин на этот счёт всё куда печальнее, годы убивают тело, движения становятся шаткими. Да и организм весом в сорок три килограмма при росте сто шестьдесят восемь не всегда справляется с нагрузками.

Больнее всего видеть, как подрастают юные девочки и становятся конкурентами в борьбе за место солистки.

«У балерин нет вредных привычек». У неё целых три. В довершение к двум известным — ещё и уныние.

Она знает точно: это выступление станет последним. Дело всей жизни идёт к логическому завершению. Страх за будущее гложет душу, но она устала бороться, устала видеть свою выдуманную жизнь, тратить время на поиски себя... В этом театре прошла её жизнь, целая жизнь, как один спектакль. Она сыграла так хорошо, что превратилась в образ, забыла, кто она на самом деле. Всё, что у неё есть сейчас — заключение трёхмесячной давности от врача о том, что динамики нет.

Время ускользает, подобно шёлковой накидке с красивых плеч юниорок, оставляя лишь больную память о том, что было и чего уже не будет.

И вот она откашливается в последний раз в гримёрке от витающей в воздухе пудры. Худое лицо с тонкими чертами и выпирающими скулами, украшенное парой блёсток, с огромными ярко обведёнными глазами и удлиняющими их стрелками, смотрит вглубь зеркала, тревога сменяется уверенностью.

Она встала, оглянулась на своё отражение, нервно погладила исхудавшими руками подол балетного костюма. Одного из самых прекрасных за всю её карьеру, напоминавшего цветок чёрного лотоса на фоне космоса, усеянного звёздами.

Сделала шаг из-за кулис, тотчас спина её выпрямилась, голова гордо поднялась, плечи расправились, и она выпорхнула на сцену.

Пачка отливала тысячами искорок, взгляд ранил острее любого лезвия...

Некоторые люди рождены, чтоб порхать.
Вопреки тьме внутри, она полетит к свету.
Дотронувшись до пола кончиком носка, она вспорхнула в жете. Оно было настолько изящным, что она, взлетев, более не коснулась пола.
Слишком низким был этот мир.
Она вспорхнула, сделав короткий резкий вдох в грациозном, но не завершённом полёте.
Бабочка упала на сцену. На неё посыпались осколки молчания, затем зал удивлённо охнул. Недоумение накрыло всё пространство, а она с улыбкой и взглядом, обращённым вверх, на купол театра, улетела со сцены. Навечно.

*Мотылёк у свечи умирает,
Чтобы вечно пылала свеча!*

Алсу ГАЗТДИНОВА

ГУЛЯКА

«Явился, гуляка!».

От крика Федя сразу проснулся. И недоумённо уставился на ботинок в руке. Один ботинок был уже снят.

«Вот ведь завёл моду — являться за полночь!» — надрывался женский голос.

Федя боязливо покосился на стену.

Стена продолжала громким женским шёпотом: «Я тебе что — швейцар, дверь ему открой, в дом пусти, накорми, напои... Чего моргаешь, пьёёс?!».

Непривыкший к ругани Федя заморгал чаще. Страх вполз в каждую клеточку его организма.

Стена не унималась: «Третий день спать не даёшь! Ходит не знай где и приходит, когда вздумается!».

Федя шёпотом возразил: «Я на работе был, отчёт же». Ну да, сегодня среда. Точнее, уже четверг. Как раз третий день подряд он приходил с работы поздно. А что — живёт один, никому не мешает...

«Ах, ты — бесстыжая морда! В глаза мне смотри!».

Федя боялся даже шевельнуться и просто закрыл глаза: «Мне снится. Я просто переутомился. Стена не может разговаривать».

Стена рыкнула: «Небось, голодный?».

Федя осторожно закивал. В последние дни он перебивался сухомяткой, а ночью сил хватало лишь доползти до кровати и снять обувь. Утро начиналось с будильника и то-скливай мысли об отчёте. «Уволюсь! Уволюсь к чёртовой матери, а то уже психушка светит», — Федя схватился за голову.

Стена продолжила более мягким голосом: «Где поцарапался, рыцарь? Снова за даму бился?».

Федя потрогал щёку и шепнул: «Когда брился».

Стена жалостливо: «Он за дам бьётся, а хозяйка тут с ума сходит — куда потерялся её Васечка? А Васечка — шерстяной ты мешок с усами — всю округу в страхе держит, по свиданиям таскается, скотина!», последнюю часть предложения стена рывкнула.

Федя перестал дышать и поправил очки. На стене красовалась розетка, возле неё была видна трещина. Федя вспомнил: когда он осматривал квартиру, риэлтор предупредил, что шумоизоляция в доме очень плохая, но соседи чудесные.

Стена не унималась: «Что, кушать захотелось, Васенька? А у хозяйки сердце! Вот доведёшь её и кормить тебя некому будет! Чего ластишься?! Вон, ешь холодное! Или пусть тебя подруги кормят, раз у них гостишь! Тут тебе не отель, слуг нет!».

Федя хватал ртом воздух. Он понял, что у соседки слева есть кот-ловелас. Время было почти час ночи.

Федя осторожно лёг и укрылся одеялом. Вспомнил, что не снял один ботинок, так же тихо встал, снял ботинок и улёгся.

Стена тихо прошипела: «Из-за тебя порядочных людей разбудили, Вася! Ешь котлету, плут! И спать! Завтра на улице не пойдёшь!».

И тут впервые возмущённо мякнул кот. Женский голос шикнул. Кот недовольно побурчал и всё затихло.

Федя с блаженством растянулся на кровати и, уже засыпая, подумал: «Завтра приду с работы вовремя».

Карина ЕРМОЛАЕВА

СВЕТ

Один за одним люди заходили в зал и, шаркая ногами, садились на свои места, чтобы уставиться на сцену. На сцене лишь тень от кулис. Тень, расплзшаяся в темноту.

А что есть темнота? Всего лишь отсутствие света. Но не стоит переживать, совсем скоро невидимый зрителям паук-осветитель потянет за бегунок, и прожекторы осветят тёмную сцену.

Интереснее не сцена, а актёры, которые выйдут к нам из тьмы кулис — из ниоткуда — и тотчас попадут под немигающий электрический свет. Никто из них не зажмурится. Ни один не моргнёт. Для них стоять под светом так же естественно, как есть и спать.

Если ты думаешь, причина в том, что они профессионально играют, спешу переубедить. Они вовсе не играют, а живут. Они действительно говорят то, что чувствуют, и чувствуют, что говорят.

Играют дети; ни в театре, ни во взрослой жизни игры нет, нет возможности вернуться назад и что-то изменить. Здесь и сейчас вершится судьба, здесь и сейчас кроится жизнь. Из обрывков мыслей, ощущений и еле уловимых запахов закулисья. Ты даже не заметишь момента, когда начнётся действие, разговоры в зале затихнут, словно звукорежиссёр слегка снизит громкость происходящего, а тишина станет звучащей и многозначительной.

Мы берём предметы и подносим к свету, чтобы увидеть, что внутри, а на актёров со всех сторон направлен свет. Ну что, ты видишь что-нибудь на просвет? Что у них внутри? Слова ролей, порядок мизансцен, внутренний монолог героя? Что там? Я что-то ничего не могу увидеть.

А где же Антон Павлович Чехов? Спектакль сегодня о нём, значит, и все действующие лица на сцене должны быть пропитаны им на молекулярном уровне. Нельзя говорить о писателе в его отсутствие. Но в этой освещённой комнате из трёх стен лишь персонажи спектакля в костюмах, с реквизитом, сведённым к нулю. Ничего лишнего. Сегодня зрителей ждёт уютный вечер наедине с писателем. Диалог тет-а-тет.

Он, видно, запаздывает. Ну, посмотри, не прячется ли он в складках задников и кулис? Я чувствую, что он здесь. Я знаю, что его не может не быть.

Здесь решается важная проблема, герой не может вспомнить Овсова. Да, того самого, с лошадиной фамилией. Девушка влюбилась во врача. Кажется, это из рассказа «Цветы запоздалые».

А что же автор? Неужели он не поможет? Не шепнёт на ухо актёру верную фразу? Будет спокойно наблюдать за тем, как его герои не знают, что делать, и глушат мысли в суете? Есть ли у него сердце? Он хладнокровно бросил своих персонажей, беззащитных под взглядом сотни глаз.

Нет, нет, он не бросил, ты забыл? Он уже здесь. Его миссия важнее, она незаметна и необходима сегодня.

Писатель занят. Он режиссирует спектакль. Он пишет рассказ. Именно сейчас его рассказ пишется на сцене, сплетённый из оценок и реплик актёров.

Думаешь, текст уже давно закончен, напечатан сотнями издательств и растиражирован? Всё верно. Но сегодня и сейчас он рождается заново. Иначе произведения и спектакль можно было бы считать мёртвыми, а они нас трогают, бесспорно, тем, что живые.

Так Чехов — режиссёр этого спектакля? Чего ж ты раньше не сказал! Я бы поздравил его с очередной постановкой. Только вот ты улыбаешься и ничего мне не отвечаешь. Снова темнишь? Так где же писатель? Где он?

Хотя молчи, мне следовало понять раньше. Это же было так просто. Зачем я искала его в лицах персонажей и в словах? Зачем я искала его в темноте? Его там нет и быть не может.

Это он позволяет нам рассмотреть жесты и мимику в мельчайших деталях.

Это он умеет скрыть лишнее и акцентировать внимание на важном.

Это он показывает нам, что находится внутри человеческой души.

Потому что он — свет.

Ольга ЛЕВАНДОВСКАЯ

НЕ ТА ЕВА

Он был во всём чёрном. Щегольской чёрный костюм, чёрная рубашка, лакированные чёрные туфли со слегка загнутыми носами и чёрный галстук с узором из маленьких зелёных змей. Волосы его, зализанные вбок, тоже были чёрными, как и странно поблёскивающие глаза. Он позвонил мне в дверь ровно в полдень.

— Чудесный сегодня день, не правда ли?

Он был довольно низкого роста. Первым что бросилось мне в глаза, была его сияющая до ушей улыбка.

Я спросила, какого дьявола ему понадобилось. Он хохотнул и пристально взглянул на меня.

— Ба! Да я же вас знаю! Я, можно сказать, наблюдаю иногда за вашей жизнью.

— Простите? — я постаралась придать лицу говорящее выражение.

— Ах, не подумайте, я не преследую вас, конечно. А в этом вашем, с картинками... ну, вы поняли... не сказать, что пристально и часто, конечно, но иногда бывают интересные... происшествия.

Прежде чем я успела послать его ко всем чертям, он радостно объявил, что он здесь вовсе не за этим, и у него есть для меня подарок. Откуда-то из-за спины он достал сияющий красный пылесос с зелёным шлангом и поставил перед собой. Мне померещилась бегущая по гладкому боку капелька росы.

— Что это за чёртова штука?

Похоже, он только этого и ждал. Его улыбка стала ещё шире, и он зашёлся эмоциональным рассказом про «удивительный новый клининговый аппарат». Пока он расхваливал его качества и говорил, как сильно мне повезло, его ладони порхали, будто бледные бабочки, и сбивали меня с толку. К тому же, от него вдруг стало нести приторным одеколоном.

Не выдержав всех раздражителей, я громко и в неласковых выражениях попросила его пойти прочь. Этот болван, похоже, думал, что я куплю всё что угодно, лишь бы избавиться от него.

Но пройдоха будто и не слышал меня.

— Вам не нужно платить, — его руки замерли, — во всяком случае, не деньгами.

Я уставилась на его галстук. Крошечные змейки изогнулись и подмигнули.

— А вот ваша душа, — продолжил он, — пришлось бы весьма кстати. Я, можно сказать, за гроши отдаю.

Я бросила взгляд на пылесос. Сочно-красный, пахнет росой. Я вспомнила про ковёр посреди гостиной, а также про то, что отчищать кровь и вино — настоящая пытка. Продавец что-то говорил и про такую функцию.

Его чернила закончились, а я не знала, где в этой квартире найти ручки, поэтому сделка чуть было не сорвалась. Для вида поломавшись, он, впрочем, позволил подписать контракт купли-продажи кровью, раз больше под рукой ничего не было. После этого странный незнакомец заметно приободрился и быстренько растворился в тени лестничной клетки. Интересно, как скоро он понял, что ушёл с пустыми руками?